

Пэй Сяоцин, почувствовав движение рядом с собой, словно заведённая пружина, снова начала отчаянно сопротивляться, рыдая и крича:

— Хорошо же, семья Цзян действительно пользуется своим положением, чтобы притеснять других! Кто знает, что вы внушили моему сыну, что он теперь даже не признаёт родных отца и мать! Разве в этом мире больше нет закона?! Цзян Чжэнь, пусть тебя постигнет страшная кара!

Увидев действия Пэй Сяоцин, Юань Ган, получив намёк от Хоу Чжиюаня, не отставая ни на шаг, шагнул вперёд и ударил Цзян Чжэня кулаком в лицо. После удара, словно не удовлетворившись, он хотел снова броситься на него, но на этот раз Хоу Чжиюань ловко остановил его. Юань Ган, продолжая сопротивляться, плюнул в сторону Цзян Чжэня:

— Эй, Цзян, слушай сюда! Сегодня я обязательно заберу своего сына! Ты посмел угрожать мне? Я не верю, что если ты сегодня посмеешь помешать мне забрать сына, завтра я не пойду в СМИ с разоблачениями! Что с того, что у тебя есть деньги? Разве деньги дают право притеснять других? Разве деньги позволяют отобрать моего сына?!

Цзян Чжэнь был ошеломлён этим ударом. Дрожащим пальцем он указывал на Юань Гана и Пэй Сяоцин, долго не мог вымолвить ни слова, задыхался и хватался за грудь, его лицо исказилось от боли. Весь зал погрузился в хаос из-за внезапного приступа Цзян Чжэня, а Тан Сяосяо с криком бросилась к нему:

— Ачжэнь, Ачжэнь, что с тобой?! Не пугай меня! Вызовите полицию!

Цзян Ци, увидев эту сцену, почувствовал разочарование и злость. Этот бесполезный старик, даже такой стресс не смог выдержать, неудивительно, что в прошлой жизни он умер от злости. Чёрт, какой же он бесполезный! Думая это, Цзян Ци быстро сменил выражение лица на тревожное и бросился к Цзян Чжэню.

Однако Пэй Сяоцин и Юань Ган явно не собирались сдаваться. Они схватили Цзян Ци за руки и с силой потащили его к выходу из зала.

Как будто хаоса было недостаточно, внезапно в зал ворвалась толпа журналистов с разнообразным оборудованием. Они быстро направились к Цзян Чжэню. Камеры и микрофоны, которые, казалось, готовы были воткнуться в лица Цзян Чжэня и Тан Сяосяо, ясно показывали, насколько журналисты были настроены на получение эксклюзивной информации.

Сегодня был пятидесятый день рождения Цзян Чжэня, и за пределами зала уже собралось много журналистов. Однако, поскольку клуб Ханьцзян всегда славился строгим управлением, а на этот банкет можно было попасть только по приглашению, журналисты, хотя и жаждали интервью с Цзян Чжэнем и разоблачений, вынуждены были ждать у входа.

Изначально Цзян Чжэнь не планировал полностью скрывать происходящее, ведь он хотел представить Юань Ияна как приёмного сына на публике. Поэтому он пригласил две дружественные медиакомпании для съёмок внутри зала. Но сегодня на банкете произошло столько инцидентов: сначала приёмный сын семьи Цзян оказался родным, затем внезапное появление Юань Гана и Пэй Сяоцин — всё это привело журналистов в восторг.

Обе медиакомпании одновременно передали информацию о происходящем, стремясь первыми получить сенсационные новости о внутренних делах богатой семьи. Как только информация была распространена, журналисты у входа получили звонки из своих главных офисов с требованием любой ценой получить эксклюзивный материал.

Именно поэтому журналисты ворвались в банкетный зал. Хотя они двигались быстро, в душе они сомневались. Охрана клуба Ханьцзян и его политика конфиденциальности всегда славились в городе В. Сегодня, когда они врываются, они просто надеялись на удачу, чтобы показать начальству, что они старались, и не ожидали, что действительно смогут попасть внутрь. Но они вошли, и, кажется, без особых усилий преодолели охрану клуба Ханьцзян.

Однако теперь журналистам было не до этого. Они словно получили заряд энергии, поднимая микрофоны всё выше, их вопросы звучали всё громче.

— Господин Цзян, согласно информации от осведомлённых источников, ваш приёмный сын внезапно стал вашим родным сыном. Это правда?

— Госпожа Тан, если Юань Иян — ваш родной сын, то как теперь будет устроен старший сын семьи Цзян, Цзян Ци?

— Можете ли вы объяснить, что имели в виду те супруги, которые кричали, что Цзян Ци — их родной сын? Неужели вы действительно присвоили чужого сына?

— Господин Цзян, почему вы изначально планировали представить своего родного сына как приёмного? Почему потом внезапно изменили решение? Это потому, что старший сын Цзян Ци оказался более талантливым, чем ваш родной сын?

— Говорят, ваш родной сын, Юань Иян, вырос в трущобах. Разве вас не смущает такое окружение?

— ...

Под успокаивающими словами Цзян Ю дыхание Цзян Чжэня, которое уже начало выравниваться, снова участилось из-за череды острых вопросов журналистов. Его лицо побелело, и он долго не мог вымолвить ни слова. Видя, что лицо Цзян Чжэня становится всё хуже, Цзян Ю едва заметно поднял мизинец, затем, защищая Тан Сяосяо и Цзян Чжэня, стал уклоняться от вопросов журналистов и, наконец, под прикрытием охраны покинул зал.

Самые важные три участника событий покинули клуб, и журналистам не оставалось ничего, кроме как окружить оставшихся ключевых фигур — Цзян Ци и супругов Юань Гана и Пэй Сяоцинь, сосредоточив всё внимание на них.

Цзян Ци, оглушённый гамом вокруг, едва не потерял самообладание, особенно учитывая, что Юань Ган и Пэй Сяоцинь крепко держали его, не желая отпускать. Увидев, как журналисты направляют на них камеры, Юань Ган и Пэй Сяоцинь были в восторге. Ведь в их окружении журналисты и СМИ появлялись только по телевизору, а теперь, казалось, они тоже попадут на экраны.

Пэй Сяоцинь, не забывая о своей внешности, поправила волосы и одежду, затем, приняв жалобный вид, заплакала в микрофон:

— Цзян Ци вовсе не сын семьи Цзян, он наш родной сын! Если вы не верите, мы с Юань Ганом сделали тест ДНК, вот, посмотрите!

Юань Ган тут же подхватил, грубо схватив ближайший микрофон:

— Я, Юань Ган, воспитывал сына для семьи Цзян восемнадцать лет, и что в итоге? Этот Цзян молча забрал моего сына, а когда мы приходили к нему, мы даже не могли увидеть Цзян

Чжэня! Один раз сказал, что произошла ошибка, и всё! Хорошо, допустим, ошибка, но тогда позвольте нам увидеть нашего родного сына, дайте нам объяснение! Даже нашего родного сына нам не разрешают видеть! В нашем роду Юань только один сын, Цици, а его Цзян Чжэнь, этот мерзавец, промыл ему мозг, и он теперь не признаёт нас, своих родителей! Нет в нём совести!

Не нуждаясь в вопросах от журналистов, Юань Ган и Пэй Сяоцин, рыдая, вылили всё, что знали о путанице с Юань Ияном и Цзян Ци, добавляя всё новые и новые подробности. Основная мысль была проста: Цзян Чжэнь — негодяй, Цзян Ци — неблагодарный, не признающий своих родителей, а Цзян Чжэнь использует свою власть, чтобы удержать их сына.

Несмотря на попытки Цзян Ци прервать их, это не помогло, и он едва не подавился от злости. Неудивительно, что журналисты так реагировали — информация, предоставленная Юань Ганом и Пэй Сяоцин, была слишком сенсационной. Даже когда журналисты пытались переключить внимание на Цзян Ци, они быстро возвращались к плачу и крикам супругов.

В общем, к концу интервью все журналисты остались довольны полученным материалом.

Когда Цзян Ци вернулся в дом семьи Цзян, там царил необычайная тишина. Потерянный Цзян Ци несколько раз пытался навестить больного Цзян Чжэня, но каждый раз Тан Сяосяо незаметно останавливала его. Сердце Цзян Ци упало в пропасть.

<http://bllate.org/book/16238/1459657>